

Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» («Invitation to a Beheading»)

Роман, предлагаемый вниманию читателя, по-русски называется «Приглашение на казнь». Я бы даже пренебрег неблагозвучным повторением суффикса и передал это как «Invitation to an Execution», но ведь, с другой стороны, я и на родном языке скорее сказал бы «Приглашение на отсечение головы» («Invitation to a Decapitation»), когда бы не такая же точно спотычка¹.

Русский подлинник романа был написан ровно четверть века назад в Берлине, через пятнадцать с лишним лет после того, как я ускользнул от большевиков и как раз накануне полного торжества и всеобщего признания нацизма. Сказалось ли на моей книге, что все это для меня — один и тот же унылый и безобразный фарс — настоящего читателя этот вопрос должен занимать не более, чем меня самого.

Роман печатался с продолжением в русском эмигрантском журнале «Современные записки», издававшемся в то время в Париже, а позже, в 1938 году, был выпущен парижским «Домом книги». Озадаченные, но благосклонные рецензенты из эмигрантов усмотрели в романе «кафкианскую» струю, не подозревая, что я совершенно не владею немецким, о современной немецкой литературе не имею ни малейшего представления², а французских или английских переводов Кафки тогда еще не читал. Несомненно у «Приглашения на казнь» есть кое-какие стилевые связи, скажем, с моими прежними рассказами (или с позднейшим «Под знаком незаконнорожденных»), но ничто ее связывает его с «Le chateau» или с «The Trial»³. В мо-

ем представлении о литературоведении вообще нет места «духовному родству», но коли уж выбирать родственную душу, то конечно же этого великого художника, а не Дж. Г. Оруэлла⁴ или кого-нибудь еще из популярных поставщиков идеологических иллюстраций и романизированной публицистики. Я, кстати, никогда не мог понять, почему от каждой моей книги кринки неизменно начинают метаться в поисках более или менее известных имен на предмет пылких сопоставлений. За минувшие три десятилетия в меня швырялись (ограничусь лишь немногими из артиллерийских игрушек) Гоголем, Толстоевским, Джойсом, Вольтером, Садом, Стендалем, Бальзаком, Байроном, Бирбомом, Прустом, Клейстом, Макаром Маринским, Мари Маккарти, Мэридитом (!), Сервантесом, Чарли Чаплиным, баронессой Мурасаки, Пушкиным, Рускиным⁵ и даже Себастьяном Найтом⁶. Одного писателя, однако, ни разу в этой связи не упоминали — единственного, чье влияние в период работы над этой книгой я с благодарностью признаю: печального, сумасбродного, мудрого, остроумного, волшебного и во всех отношениях восхитительного Пьера Делаланда, которого я выдумал⁷.

Если я составляю когда-нибудь словарь толкований, которым недостает лишь заглавных слов, то давно лелеемой словарной статьей в нем будет: «сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять, с целью запоздалого совершенствования, свои собственные произведения при переводе». Обычно стремление к этому растет пропорционально времени, отделяющему образец от отображения, но когда я получил от сына для проверки английский перевод этой книги и мне пришлось через много лет снова перечитать ее по-русски, я с облегчением обнаружил, что с демоном творческого совершенствования мне сражаться не придется. Мой русский слог тогда, в 1935 году, воплотил определенное видение в точных, пригодных для этого словах, и все изменения, какие могли пойти на пользу английскому переводу, свелись к чисто техническим, дающим ту ясность, для которой в английском, видимо, требуется не столь сложная электропроводка, как в русском. Мой сын оказался удивительно соприродным переводчиком, и мы сразу сошлись на том, что главное — верность своему автору, как бы ни ошеломлял результат. *Vive le pédant**, и долой простаков, которые думают, что все хорошо, если передан «дух» (а слова между тем без присмотра пустились в бега — в доморо-

* Да здравствует педант! (фр.). — Пер.

щенный вульгарный загул, где-нибудь в Подмоскowie — и опять Шекспиру только и остается играть тень отца)⁸.

Мой любимый писатель (1768—1849)⁹ сказал как-то о романе, теперь совершенно забытом: «Il a tout pour tous. Il fait rire l'enfant et frissonner la femme. Il donne à l'homme du monde un vertige salutaire et fait rêver ceux qui ne rêvent jamais» *. «Приглашение на казнь» ни на что подобное претендовать не может. Это голос скрипки в пустоте. Светский человек сочтет его жульничеством. Старцы отбросят его и поспешат вернуться к своим уездным эпопеям и житиям знаменитостей. Не будут трепетать женщины из читательских клубов. Человек с развращенным воображением усмотрит в Эммочке сестру Лолиточки, и ученики венского шамана будут гнусно хмыкать по этому поводу в своем абсурдном мире общинной вины и progressivного воспитания. Но (как сказал по поводу другого светоча автор «Discours sur les ombres»)¹⁰: я знаю (je connais) нескольких (quelques) читателей, которые вскочат на ноги, схватив себя за волосы.

Оук Крик Кэнион, Аризона.
25 июня 1959 г.

Перевод с английского
Георгия Левинтона

* «В нем есть все для всех. Он вызовет у ребенка смех, у женщины — трепет. Светскому человеку он дарит целительное головокружение, а тем, кто не грезил никогда, внушает грезы» (фр.). — Пер.